

Рецензия

Поступила 8 февраля 2026 г.

Принята к публикации 3 марта 2026 г.

ВАЛЕРИЙ М. МОКИЕНКО
ЕЛЕНА К. НИКОЛАЕВА

Екатерина В. Огольцева. *Синонимия устойчивых сравнений в русском языке*. Москва: Директ-Медиа, 2025. 420 с. ISBN 978-5-4499-5093-2.

Монография Е. В. Огольцевой подводит итог многолетним исследованиям русской компаративной фразеологии и фразеологии. Сама структура книги, включающая 5 глав, объективно отражает доминантные аспекты таких исследований. После обстоятельного Введения, в 1-й главе автор аналитически обобщает теоретические трактовки синонимии в сфере фразеологии и предлагает свою интерпретацию специфики синонимии устойчивых сравнений (далее – УС) (Огольцева 2025: 10–93).

Автор книги подробно останавливается и на формировании компаративной фразеологии и фразеологии как неотъемлемой части общей фразеологии, подчеркивая и характеризуя заслуги своих предшественников. Раскрываются не только общие моменты в трактовке компаративных фразеологизмов как особых языковых единиц, но и различия в структуре и в суперсегментном значении.

Критериями синонимичности УС на основе этого признаются: 1) единство понятия, 2) единство предметной отнесенности и 3) совпадение валентности. Сама возможность синонимических отношений определяется свойством воспроизводимости, присущим любому устойчивому сравнению как единице языка.

Специфика синонимии УС в значительной мере определяется спецификой компаративного значения: в семантике устойчивого сравнения денотативный аспект не столько именует признак, сколько индивидуализирует его посред-

ством образного выражения (Огольцева 2025: 70). Пожалуй, к этому следует добавить и различия в градуировании экспрессивности, возникающие при подобной индивидуализации, которые создаются внутренней формой компаративных фразеологизмов, аккумулирующей лингвокультурологическую информацию. Не упускает автор книги и возможности измерения узуальности-неузуальности УС путем анкетирования носителей языка.

Характеризуя широкий спектр признаков, объединяющих компаративную фразеологию с устойчивыми сочетаниями иной структуры, Е. В. Огольцева выделяет и ряд особенностей, связанных со спецификой их структуры и с особенностями компаративной семантики (Огольцева 2025: 92):

- единство понятия в системе УС-синонимов проявляется как совпадение элемента С (признака сравнения) при различии элементов В (образов сравнений);
- в УС-синонимах единство «предметной отнесенности» предстает как выражение элемента С либо тем же словом, либо его синонимическими вариантами в пределах одного *tertium comparationis*;
- совпадение валентности проявляется как единство объекта приложения сравнения (элемента А).

Все УС-члены синонимического ряда являются «стилистическими» синонимами, поскольку им всем присущи живая образность и экспрессивность.

2-я глава монографии (Огольцева 2025: 94–193) посвящена идеографическому анализу компаративной фразеологии. Под фразеосемантическим полем (ФСП) при этом понимается «система устойчивых выражений, которые находятся в определённых семантических отношениях между собой и объединяются общностью темы, а следовательно, и единством выражаемых ими понятий» (Огольцева 2025: 98). При такой трактовке ФСП понимается не как часть лексико-семантического поля, а как особая, относительно самостоятельная подсистема. Термином тематическая группа автор обозначает совокупность устойчивых сравнений, имеющих

общую сему и системно связанных между собой, а термином идеографическое поле – принцип внутренней организации той или иной тематической группы, которая, в свою очередь, может включать в себя подгруппы. Первичной классификационной единицей в этой иерархической системе является синонимический ряд УС.

Осознавая и отмечая объективную сложность тематического описания системы УС, автор выстраивает собственную идеографическую рубрикацию устойчивых сравнений, подчиняя ее основной задаче своего исследования – анализу синонимических рядов УС.

В системе устойчивых сравнений выделяются следующие тематические группы: 1) «Внешность, внешний вид человека (редко – животного)»; 2) «Состояние окружающей среды; физическое и психологическое состояние человека»; 3) «Черты характера, темперамента; поведение человека»; 4) «Движение; подвижность/неподвижность человека (предмета)»; 5) «Отношения между людьми»; 6) «Речь, речевое поведение человека; голос»; 7) «Физические свойства предметов и действия, направленные на изменение этих свойств»; 8) «Действия; работа, трудовая деятельность человека»; 9) «Образ жизни, условия жизни человека»; 10) «Интеллектуальные качества человека» («Ментальная деятельность»); 11) «Нравственные качества человека»; 12) «Внешние (визуально наблюдаемые) свойства предметов; 13) «Восприятие действительности органами чувств». Структура этих групп и общая характеристика синонимических рядов рассматривается в особом разделе (Огольцева 2025: 114–183), а общей характеристике периферийных тематических групп уделено особое внимание (Огольцева 2025: 184–193). Отмечает автор и гендерные различия в характеристике объектов сравнения.

Квалифицируется также частотность употребления анализируемых синонимических рядов. В поле зрения Е. В. Огольцевой постоянно находится аксиологическая характеристика описываемых тематических групп, причем нащупывается превалирование негативной оценочности над позитивной.

Специальное внимание уделено характеристике слов-сопроводителей УС, представленных разными частями речи.

Анализ всего этого обширного пространства иллюстрируется удачно подобранными контекстами из классической и современной литературы и средств массовой информации, а иллюстрации из Национального корпуса русского языка подтверждают актуальность анализируемых УС. При этом границы между их тематическими группами носят условный и подвижный характер, а взаимодействие между ядром и периферией имеет разную степень интенсивности.

В 3-ей главе (Огольцева 2025: 194–250) Е. В. Огольцева сосредоточивается на анализе семантических отношений между словами, выражающими образ (компонент В), в составе синонимических рядов компаративных фразеологизмов. Такие стержневые компоненты являются иррадиаторами семантики и структуры УС, поэтому особое внимание к ним оправдано. Основание сравнения характеризует индивидуальный признак предмета, что и является не только основной функцией образного сравнения, но и мерилom его внутренней формы.

Синонимия УС нередко сопряжена с принадлежностью образов к одному идеографическому пространству (resp. лексико-семантическому полю). Хотя такие УС-синонимы обычно образованы по одной модели, в их семантической структуре обнаруживаются заметные различия. Весьма избирательно и их употребление.

Заключительный (7-й) параграф 3-ей главы посвящен анализу образов сравнений в многочленных синонимических рядах УС (Огольцева 2025: 231–250). Представленные автором примеры свидетельствуют о том, что даже при условии предельной семантической близости между синонимичными УС наблюдаются более или менее тонкие различия, выявляющиеся при контекстуальном анализе. Отсюда – убедительный вывод: «УС-синонимы всегда в той или иной мере являются «идеографическими», а иногда семантические различия осложняются стилистическими» (Огольцева 2025: 250). Именно сопоставление компаративных синонимов позволяет дифференцировать различные средства образной индивидуализации одних и тех же признаков.

После тщательного анализа синонимических отношений Е. В. Огольцева переходит к антонимии. Во многом различие

во взглядах фразеологов-компаративистов на антонимию определяется разным пониманием статуса слов-сопроводителей, что отмечает и автор монографии: «Деление УС-антонимов на «контрарные» и «контрадикторные» было бы возможно в случае, если бы каждый компаративный фразеологизм употреблялся лишь с одним, строго определённым словом-сопроводителем...» (Огольцева 2025: 257). По мнению Е. В. Огольцевой, это не соответствует действительности, но именно так считают ее оппоненты, в частности, И. В. Кузнецова, с которой автор дискутирует в 4-ой главе. А при условии, что левый компонент сравнения, выражающий основание сравнение, является полноценным воспроизводимым компонентом УС, можно обнаружить проявления антонимии в УС и при полном совпадении образа сравнения (компонента В) (хотя Е.В. это отрицает), можно рассматривать и векторную антонимию (Огольцева 2025: 254), и контрарную и контрадикторную антонимию, признавать особенности проявления антонимии у адъективных и глагольных УС (Огольцева 2025: 255), как делают сторонники этого похода. Однако Е. В. Огольцева не включает левый компонент в состав сравнения и с этих позиций последовательно представляет свое видение проблем антонимии УС.

По ее мнению, «антонимические оппозиции в системе УС формируются при совпадении следующих факторов: 1) градуируемость признака-основания и, как следствие, наличие антонимов у слов-сопроводителей; 2) коммуникативная востребованность оппозиции в целом; 3) необходимая для реализации антонимического противопоставления «симметричность» контрастирующих сем; 4) противопоставление одного (нескольких) дифференциальных семантических признаков на фоне одного интегрального, «стержневого»; 5) возникновение семантической оппозиции на ступени актуального звена компаративной цепи, чаще всего на уровне вторичной ступени уподобления, представленной наречиями-обстоятельствами; 6) общность (полная либо частичная) компонента А – объекта приложения образной характеристики; 7) сходство речевых ситуаций» (Огольцева 2025: 302).

Исследуя взаимную зависимость синонимии и антонимии, автор выявляет вполне определённую тенденцию: с од-

ной стороны, «если устойчивая компаративная структура не вступает в синонимические связи, антонимы, как правило, также отсутствуют» (с. 263), с другой, отмечает, что у оборотов с широким синонимическим рядом также наблюдается отсутствие антонимических отношений. Хотя некоторые из наблюдений кажутся сомнительными – например, утверждение об отсутствии антонимии в группе УС о глубоком и безмятежном сне (Огольцева 2025: 296). Несомненно, крепкий сон гораздо более широко представлен не только в русской, но и в славянской фразеологии, однако существуют и единицы (хоть и немногочисленные) с противоположным значением ‘спать чутко’: *спать как заяц* (общесл.), *спать как собака на заборе* (модель: спать в неудобном месте – ‘чутко, неглубоко’, представлена во всех славянских языках), *спать соловьиным сном*.

Последняя глава монографии посвящена омонимии УС, разногласия фразеологов во взглядах на которую также зависят от отношения к словам-сопроводителям. По мнению сторонников компонентного воспроизводимого статуса каждой лексемы-основания сравнения (и ее синонимов), к омонимам относятся только УС, имеющие разные значения при одинаковых основаниях сравнения (то, что В. М. Огольцев и автор монографии называют «созначениями»), а УС с разными значениями трактуются как разные сравнительные обороты с собственным значением, что значительно сужает круг компаративных омонимов. Однако, несмотря на теоретические разногласия фразеологов, скрупулезный семантический (в частности, контекстуальный) анализ, проведенный Е. В. Огольцевой с целью демонстрации разницы в значениях и созначениях УС, впечатляет и убеждает.

Исследование Е. В. Огольцевой, таким образом, дает целостную характеристику лингвистического своеобразия устойчивых сравнений русского языка как органической части общей фразеологической системы. Практически все аспекты избранной ею проблематики освещены последовательно и детально. Поводов для критических или дискуссионных замечаний (обязательных в жанре рецензии) поэтому немного. Выскажем некоторые из них.

1. Лингвокультурологическая значимость УС. Е. В. Огольцева в разных частях монографии справедливо подчеркивает, что компаративная фразеология дает ценный материал для понимания национальной языковой картины. Не всегда, однако, тот или иной русский оборот может быть паспортизован как сугубо национальный. Так, автор книги констатирует: «Выделим синонимические ряды, наиболее богатые в количественном отношении, а, следовательно, отражающие те участки данного идеографического поля, которые особенно значимы для русской лингвокультуры: как пулемёт, как из пулемёта (строчить, стрекотать, выпаливать); как <базарная> баба (болтать), как балаболка, как пустая бочка (греметь), как трещотка (трещать), как сорока (стрекотать)» (Огольцева 2025: 155–156). Подобные утверждения типичны для русистов, реконструирующих русскую языковую картину без сопоставительного анализа. Понятно, что «значимость для русской лингвокультуры» не адекватна «чисто русскому» происхождению УС, в любом случае, однако, такое утверждение преувеличивает собственно национальную их специфику. А ведь образы, которым придается здесь национальная маркировка, собственно русскими можно назвать лишь относительно. Так, для УС как пустая бочка (греметь) и язык как у базарной бабы у кого нетрудно найти славянские параллели – ср., напр., чеш. *tá hlas jako ze sudu* и *mluví jako bába na trhu*. Коннотативность же сороки с болтовней, имплицированная в УС как сорока (стрекотать), имеет широкие и древние индоевропейские корни – ср. *štěbetá jako straka*, серию немецких паремий с теми же коннотациями (*er hat von der Elster gegessen; er kann Elster schwatzen lehren; man muss keiner Elster das Ohr leihen; Die Elster stiehlt, so gut sie schwatzt; So lange die Elstern schwatzen, singen die Schwäne nicht* (ср. лат. *Tunc canent cygni, quam tacebunt graculi*) и под.) или древнегреческое *σου δεῶω λαλιστέραν ουλωποτ εἶδον κίτταν* (букв. болтливее тебя я и сороки не ви-

дал) (Alexid. Athen. 4, 133 с.). Такого рода параллели свидетельствуют об интернациональном характере многих русских УС. Обусловлен ли он универсальными (типологическими) или генетическими факторами – особый вопрос, требующий специального сопоставительного или историко-этимологического анализа.

2. Кстати, диахроническому аспекту исследования русской компаративной фразеологии, как кажется, Е. В. Огольцевой следовало бы уделить больше внимания, ибо именно историко-этимологический комментарий почти всегда и направлен на поиски лингвокультурологической информации, которая столь интересует автора.
3. Не кажется оправданным использование термина лексической семантики семантический вариант (ЛСВ) в значении «устойчивое сравнение с другим значением/созначением»: «Общее количество УС (в случае полисемии – их *семантических вариантов* – значений и созначений)» (Огольцева 2025: 187); «В случае, когда УС характеризуется двумя (и более) значениями, в синонимические отношения, по существу, вступают *семантические варианты* компаративной структуры» (Огольцева 2025: 310). Такой подход может породить терминологическую путаницу, поскольку понимание вариантов в теории компаративной фразеологии связано именно с сохранением семантического тождества, что признает и сам автор монографии: «варианты есть модификации формы и содержания устойчивой единицы, не нарушающие её тождества» (Огольцева 2025: 92). Другими словами: **вариант** – это изменение формального облачения сочетания, **синоним** – сопряжение оборотов по семантике.

Отдельные примеры, приведенные автором для обоснования некоторых утверждений, вызывают сомнение, например, отнесение УС (полосатый) *как тигр* к моносемантам (ср.: *злой, разъярённый как тигр*), а также отрицание наличия у него

синонимов (ср. *полосатый как зебра*). Непонятно, почему УС (прилип) *как банный лист* не учитывается в качестве синонима к УС *как (словно, точно) муха к мёду* (о человеке, который слишком явно, навязчиво проявляет симпатию, привязанность к кому-л., «липнет» к кому-л.) (Огольцева 2025: 316).

Все это не снижает общего положительного впечатления от монографии Е. В. Огольцевой. В книге впервые намечена типология отношений между образами синонимичных сравнений и предложена модель реализации отношений семантического тождества в разных тематических группах устойчивых сравнений. Автор выявляет участки системы устойчивых сравнений, наиболее богатые синонимическими рядами и демонстрирует различные аспекты взаимодействия синонимии, антонимии и полисемии. Системные отношения в сфере русской компаративной фразеологии исследуются с привлечением методов структурно-семантического моделирования, компонентного анализа, а также анализа словарных дефиниций и микроконтекстов, извлечённых, в частности, из Национального корпуса русского языка. Обильная и информативная библиография дает возможность оценить многолетний опыт исследования компаративной фразеологии и задуматься об их перспективе.

Валерий М. Мокиенко
Профессор Санкт-Петербургского университета
199034, СПб, Университетская наб., д.7/9
Электронная почта: mokienko40@mail.ru

Елена К. Николаева
Доцент Санкт-Петербургского университета
199034, СПб, Университетская наб., д.7/9
Электронная почта: e.nikolaeva@spbu.ru, elena_kairovna@mail.ru

Copyright (c) 2026 Author(s)

This work is licensed under a Creative Commons

Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International License.

